

Цзян Бин убрал душ, и Е Юйфань наконец поднял глаза. Длинные ресницы медленно моргали, скрывая тёмные, как полночь, зрачки. Неупавшие капли воды в уголках глаз сверкали, как крошечные алмазы, под светом нагревательной лампы.

Цзян Бин вдруг почувствовал, как у него задрожала рука, и струя из душа снова брызнула Е Юйфаню в лицо. Тот захлебнулся, поднял тощую, как спичка, руку, чтобы прикрыть рот, и закашлялся, выглядя совершенно беспомощно.

У Цзян Бина загорелись уши. Он швырнул душ Е Юйфаню:

— Сам обливайся, пока не согреешься! Потомними мокрую одежду! Я найду тебе что переодеть!

Выкрикнув это, он выбежал из ванной, словно спасаясь бегством.

— Вот досада! — проворчал он себе под нос, вернулся в свою комнату, включил кондиционер, наскоро прибрал раскиданные по кровати вещи и только потом полез в шкаф за одеждой.

Е Юйфань всё ещё сидел в ванне, погружённый в оцепенение, когда дверь ванной снова распахнулась.

— Велел тебе раздеться, чего уставился? — рявкнул Цзян Бин.

Е Юйфань повернул голову. Сквозь пелену пара в дверном проёме он увидел человека. Скорее, не человека, а «парня». Однако тот был высокого роста и крепкого телосложения, поэтому с первого взгляда мог сойти за взрослого. Но юношеские черты лица выдавали его настоящий возраст — на вид старшеклассник.

Цзян Бин подошёл и приложил тыльную сторону ладони ко лбу Е Юйфана:

— Не отморозил мозги, надеюсь?

В следующее мгновение его руку отшвырнули.

— Нет, — прозвучал холодный, ясный голос из ванны. Он соответствовал внешности юноши: мягкий, но с оттенком отстранённости.

Пятнадцать минут спустя Е Юйфань вышел из ванной, одетый в пижаму, которая висела на нём мешком. Цзян Бин возился на кухне с половником, услышав шум, крикнул наружу:

— Комната с плакатом Жуня!

Когда он, наконец, закончил колдовать над имбирным отваром и вернулся в спальню, тот уже сидел на его кровати, обхватив колени, с полотенцем на голове, скрывавшим те, казалось бы, завораживающие глаза.

— Просто... — Цзян Бин не знал, как описать своё состояние. Чувство было такое, будто подобрал на улице умирающего бездомного котёнка: и хлопотно, и выбросить жалко. Особенно когда этот «котёнок» сидит в твоей одежде, свернувшись калачиком, тихий и спокойный, — существо, о котором невольно хочется заботиться!

С этими мыслями Цзян Бин протянул ему чашку с имбирным отваром:

— Не хочешь слечька — выпей.

Не спрашивайте, откуда он умеет готовить имбирный отвар. У кого есть сестра, которая во время месячных корчится от боли, тот научится.

— Как тебя зовут-то? — снова спросил Цзян Бин.

— Е Юйфань, — ответил тот, молча пригубив из чашки.

Цзян Бин тоже уселся на кровать, достал из кармана штанов сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Комната мгновенно наполнилась дымом.

— Куришь?

Е Юйфань покачал головой.

Цзян Бин стряхнул пепел и с напускной серьёзностью начал читать нотацию:

— Слушай, ты ещё молодой. Разве можно в такую реку лезть? Ты знаешь, насколько она грязная? Там каждый день куча отбросов мочится! Да ещё и зимой. Ты что, утопиться захотел или замёрзнуть? Жить-то сложно, жизнь даётся не просто так. Твоя жизнь не только твоя, она ещё и твоих родителей, понял? Раз уж живёшь — цени это! Скажи, что такого страшного случилось, что жизнь наложить руки захотел? На экзамене ноль получил? Девчонка бросила? Деньги украли? Да даже если всё сразу — разве это важнее жизни? Я с детства заваливал экзамены, девушек у меня было — пальцев на руках не хватит пересчитать. До десяти лет у меня постоянно деньги отбирали, а после десяти я сам стал отбирать...

Цзян Бин бубнил минут двадцать, и самому стало смешно. Оказывается, он и уговаривать так мастерски умеет, прямо в священники бы мог податься!

Он обернулся и увидел, что этот тип просто сидит с чашкой в руках и витает в облаках.

Твою мать! Выходит, он всё это время в пустоту говорил!

— Эй, эй! Тебя это касается! Слышишь? — Увидев, что Е Юйфань не реагирует, Цзян Бин нарочно выпустил клуб дыма в его сторону. Е Юйфань, казалось, ничего не заметил. Лишь через несколько секунд он медленно повернул голову и уставился на Цзян Бина с вопросительным выражением: «?»

У Цзян Бина от злости перехватило дыхание. Он выдержал паузу секунд в тридцать. Е Юйфань продолжал сидеть в той же позе, уставившись на него с немим вопросом на лице. Цзян Бина это взбесило:

— ... На что уставился? Я с тобой разговариваю!

— А... — Е Юйфань в этот момент задал совершенно несвязанный вопрос:

— Ты не учишься?

Цзян Бин на мгновение опешил:

— Чего?

Е Юйфань спросил:

— Разве ты не ученик?

Цзян Бин вдруг расхохотался:

— Учусь? Ты шутишь? Я разве похож на ученика?

Е Юйфань:

— ... А разве нет?

Цзян Бин чуть не заплакал. За всю его жизнь это был первый раз, когда кто-то сказал, что он похож на ученика. Хотя формально он им и был, но учёба его была сплошным «три дня ловлю, два дня невод сушу» — ходил он или нет, разницы не было.

Цзян Бин сделал затяжку и с видом бывалого сказал:

— Я по жизни кручусь.

Е Юйфань:

— Понятно.

— ... — Цзян Бина будто вот-вот разорвёт от злости. Что, чёрт возьми, ты хочешь сказать? Хоть бы удивился немного! Я же сказал — я по жизни кручусь! Ты даже не спросил, на какой стороне, чёрной или белой? В обычное время я бы пальцем пошевелил — и тебя бы не стало!

Весь вечер Цзян Бин говорил, пока у него в горле не пересохло, и в конце даже намекнул, что гостю пора бы и честь знать. Но Е Юйфань и не думал уходить. Наоборот, он укутался в одеяло Цзян Бина и заснул.

Цзян Бин был в полном недоумении. Он никогда не видел, чтобы незнакомец мог так запросто заснуть у него на глазах, особенно когда он злится. Дети при нём плакали от страха, взрослые обходили стороной.

У этого парня нервы, наверное, толщиной со слоновью ногу! Или он уже совсем отчаялся и махнул на всё рукой?

— ... — Чёрт, я же не могу его убить!

Пожалев несчастного (неудачного самоубийцу), Цзян Бин не стал его будить. Сам он тоже задремал, укрывшись тем же одеялом.

Когда он проснулся, на улице уже стемнело. Взглянув на часы, он увидел, что уже половина шестого. Услышав шум снаружи, он ловко спрыгнул с кровати, приоткрыл дверь и выглянул.

— Братан? Ты дома? — Девушка в гостиной, снимая один из длинных сапог, удивилась, увидев Цзян Бина. Это была его родная младшая сестра, Цзян Сюэ.

— Уже вернулась? — Цзян Бин протиснулся в щель двери, быстро прикрыв её за собой.

Цзян Сюэ не заметила странного поведения брата, швырнула рюкзак и плюхнулась на диван без всякой грации.

Она включила телевизор, взяла горсть жареных бобов со вкусом укропа и принялась жевать, уставившись в экран:

— Что так рано сегодня? — По воспоминаниям Цзян Сюэ, брат обычно тусовался со своей компанией и не возвращался домой до девяти-десяти вечера, а иногда и вовсе ночевал не дома.

Цзян Бин подсел к ней и стащил у неё из рук пару бобов.

Цзян Сюэ спросила:

— Это ты тот мотоцикл пригнал?

— О чёрт! — Цзян Бин хлопнул себя по лбу. Мотоцикл он взял у друга на пару дней, и как раз сегодня вечером должен был вернуть. Но из-за истории с Е Юйфанем он про него совсем забыл!

Цзян Бин тут же вскочил и застегнул куртку:

— Поехал возвращать! Родителям ни слова! — Он был несовершеннолетним, и если бы родители узнали, что он гоняет на мотоцикле, ему бы несдобровать.

Цзян Сюэ усмехнулась, бросив на него взгляд:

— Вот почему ты так рано дома, значит, спал? Эй, привези мне такаяки!

Цзян Бин:

— Сама купи, обжора!

Проводив взглядом брата, хлопнувшего дверью, Цзян Сюэ закатила глаза и продолжила смотреть телевизор. Чуть позже ей показалось, что из комнаты брата донёсся какой-то звук. Она прислушалась, но больше ничего не услышала.

Цзян Сюэ успокоилась, прибавила громкость и снова погрузилась в телепередачу.

Е Юйфань разбудил шум телевизора. В полусне он открыл глаза и увидел незнакомую комнату, незнакомую кровать. В комнате царил жуткий беспорядок: одежда, носки, баскетбольный мяч, мелочь — всё было разбросано по полу... Е Юйфань смутно помнил, что упал в воду, кто-то его спас, привёл сюда, он принял душ, потом очень устал и заснул.

Куда делся тот, кто его спас? Смотрит телевизор? А где его собственная одежда?

<http://bllate.org/book/16335/1474754>